

Гендерология и феминология – междисциплинарные науки. Они развиваются в тесной связи с такими науками, как история, социальная философия, социальная и общая психология, социология, и используют следующие основные методы исследования: социологический, определяющий социальную обусловленность мужского и женского бытия; аксиологический, утверждающий равную самооценку личности мужчины и женщины; функциональный, раскрывающий по всем направлениям связь между женщиной/мужчиной и обществом; институциональный, ориентирующийся на изучение социальных институтов, влияющих на жизнедеятельность женщин и мужчин.

Библиографический список:

1. *Глоссарий* по гендерному образованию // Гендерные исследования: региональная антология исследований из 8 стран СНГ / Под ред. И.Тартаковской. – М.: ИСПП, 2006, с. 215–297.

2. *Силласте Г.Г.* Гендерные исследования: размышления участника международного семинара / Г.Г. Силласте // Социол. исслед., 1992. № 6; *Она же.* Исследования общественного мнения женщин: концепция, состояние, перспективы // Демократия без женщин – не демократия. Социологические очерки. М., 1991. С. 224 – 226.

3. *Хрестоматия* по курсу «Основы гендерных исследований» / отв. ред. Воронина О.А.. М.: МЦГИ, 2000, 396 с.

Н.Ю. Масленцева
РГППУ, Екатеринбург

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРОБЛЕМ МОЛОДЕЖИ: АКАДЕМИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Молодежная проблематика в социологии относится к числу наиболее развитых отраслей социологической науки. И тем не менее, сегодня как никогда остро ощущается незавершенность развернутых еще в начале 60 – х годов теоретических дискуссий о молодежи. Это относится и к вопросу о ее возрастных границах, и к определению ее сущностных черт, и к пониманию проблемы межпоколенческих взаимоотношений, и к собственно роли молодежи в современном обществе. Актуальность названных проблем до сих пор не утрачена и стимулирует неугасаемый исследовательский интерес к социологии молодежи.

На протяжении своего существования социология рассматривала молодежь, прежде всего, как социальную проблему. Проблематизация

молодежи объяснялась желанием исследователей понять специфику возраста и использовать ее в качестве катализатора социальных процессов. Представления о молодежи были настолько различны в те или иные периоды, что могли прямо противоречить друг другу. Молодежь любого общества связана с будущим. Однако потенциал этого будущего настолько разнообразен, что было бы ошибочным сводить его только к инновационным, традиционным или девиантным тенденциям современных молодежных практик. И если западные ученые, начиная с конца 80 – х годов, все чаще обращаются к пересмотру концепции молодежной девиантности и экстремизма, то некоторые отечественные исследователи, наоборот, начинают их использовать, к чему их подталкивает ситуация социальных трансформаций и новые проблемы российского общества.

Социология молодежи, ее «власть на диагноз» на протяжении всей своей истории помогала поддерживать господствующие или претендующие на господство взгляды. Молодежь всегда была самым популярным объектом

идеологического манипулирования, «помогая» предсказывать будущее – от расцвета культуры до ее гибели. Анализ сменяющих друг друга парадигм позволяет понять, какие социальные факторы оказывали влияние на формирование и переосмысление понятия «молодежь», в какие исторические моменты академическое присутствие в них было наиболее ощутимым и почему. Сравнение векторов изменения конструирования молодежного вопроса в СССР, постсоветской России и на Западе (Западной Европе и Северной Америке) наглядно демонстрирует политико – идеологическое участие в «национализации» поколений. Семидесятилетняя политическая и физическая изолированность молодежи «двух миров», противостоящих друг другу, взросление и воспитание в принципиально разных общественных условиях, игнорирование академического, воспитательного и образовательного опыта друг друга привели к формированию уникальных научных подходов [5]. Так, например, на Западе молодежная мятежность породила массовые моральные паники среди населения, чем в определенной степени способствовала созданию классических теорий молодежных субкультур и контркультур, а в Советском Союзе молодежная мятежность (особенно в периоды первых пятилеток) была эффективно включена в строительство нового коммунистического общества.

Отечественное наследие социологии молодежи уникально и интересно не только для российской, но и для мировой социологии. Это связано с соединением в нем трех основных составляющих: марксистско – ленинской (большевистской) идеологии/философии и социологии; государственной молодежной политики; самой молодежной практики, участия молодежи в продвижении парадигмы «молодых строителей коммунизма». Это соединение

не было единодушным и монолитным, не для всех оно было свободным выбором, но вряд ли кто возьмется отрицать реальность результатов этого союза: воспитание у нескольких поколений единого мировоззрения, широкую социальную инфраструктуру государственного молодежного патронажа, высокий уровень образования, проведенную при самом непосредственном участии молодежи быструю экономическую модернизацию и другое [4].

Молодежный вопрос на Западе изначально конструировался в духе страха и паники перед растущей угрозой «бунтующего пробуждения сексуального пубертата» и субкультурного сопротивления молодежи из рабочего класса. Разные контексты социологических теорий проявились в разности языков, интонаций, политических и образовательных парадигм. Концепты девиантности подвергались жесткой и серьезной критике в течение последних десятилетий в рамках радикальных научных направлений: критической криминологии, феминизма, постсубкультурных теорий, новых теорий глобализации, риска и постмодернизма [5]. Тем загадочнее и многозначнее становится сегодняшнее «соединение» ведущих отечественных парадигм с западными идеями проблематизации молодежи.

Социология молодежи в СССР базировался на классовых, идеологических, поколенчески – миссионерских основаниях, на Западе преобладали психофизиологические, возрастные, классово – субкультурные и транзитные характеристики. Сравнительный анализ помогает избежать поверхностного взгляда на богатое отечественное наследие, выявить полезные теоретико – методологические идеи как из отечественного, так и из западного опыта, а также преодолеть юсистские (уничжительно – критикующие негативно оценивающие) тенденции [1].

Ни молодежь, ни юность, ни подростковость сами по себе проблемами не являются. Однако в рамках существующих традиций они оказались тесно связаны с психофизиологическими, социодетерминистическими и демографическими дефинициями, разработанными внутри концепций пубертатности, молодежной культуры, девиантности и делинквентности. Определение «молодежи» как социальной группы всегда проходило под влиянием господствующей идеологии. Происхождение понятия «молодежная культура» [2] исторически связано с нарушением общественной нормативности, моральных кодов общества, то есть с проблематизацией. Но молодежь вовсе не является гомогенной и отдельной от взрослого мира группой. В своих ценностях, установках, практиках она отражает (принимая, сопротивляясь или используя) всю палитру взрослых отношений.

Одним из ведущих дискурсов (не только академических, но и социальных) остается конструирование молодежи в качестве «других».

Разновидностями этого понятия могут выступать «молодежь как проблема», «девиантная молодежь», «нарушители спокойствия» и т.п. Интересно, что с самого начала проблематизация молодости шла под знаком «сексуальных девиаций», становясь одним из механизмов исключения.

Понятие юсизма используется английскими учеными, в частности Ф. Коеном [1], для обозначения биополитических и морально – идеологических конструктов молодежного вопроса. Для этого подхода характерно конструирование молодежи в качестве единой и гомогенной группы, легко определяемой по внешним признакам и особенностям поведения. При этом молодой возраст служит свидетельством отсутствия у молодежи моральной «зрелости» и объясняет необходимость контроля и дискриминации.

Сложности включения молодежи в социум, особенно в условиях социальных изменений, приводят к утверждению ее маргинальности (которая интерпретируется в терминах отсутствия свободы, ответственности и реальной власти), подталкивающей молодежь к оппозиции общественным нормам и ценностям. Данная оппозиция закрепляется в формах молодежных культур, характеризующихся в категориях девиантности и делинквентности.

В качестве альтернативного взгляда на молодежные проблемы в английской социологии в 90 – е годы был предложен подход под названием «культурная нормализация», воспринятый и используемый, например, известным исследователем молодежной повседневности Е. Омельченко. Культурная нормализация понимается как введение в описание молодежного вопроса идеологически и морально нейтральных терминов и рассуждений. Нейтральность в данном контексте – это свобода от властно – взрослых стереотипов, дискриминирующих молодежь, отказ от модальных оборотов «поколенческого долга и ответственности» за будущее нации и государства, от обобщенно – абстрактной унификации молодежи, исключаяющей ее из значимых для нее социо – культурных групп, с которыми у нее не меньше общего, чем со сверстниками.

Культурная нормализация молодежных практик как «свежее» прочтение «молодежной проблемы» предполагает преимущественное фокусирование на многообразии молодежных практик. При этом внедрение и использование этих принципов рассматривается не в качестве простой альтернативы проблематизации, а скорее как ее критическое осмысление и дополнение, что позволяет описывать молодежную реальность в более гибких и мягких терминах.

Среди ключевых идей «свежего» взгляда на молодежный вопрос можно назвать следующие:

- Отход от объективированного подхода к молодежи как ресурсу и объекту политического, идеологического и культурного вмешательства. Именно подобный ресурсный взгляд на молодежь способствует развитию молодежной политики по типу «министерства чрезвычайных ситуаций», которое реагирует в ответ на возникающие моральные паники;

- Соединение и равное использование структурно – статусного и культурно – психологического подходов, рассмотрение взаимовлияний досуговой и рабочей, свободной и контролируемой молодежных активностей внутри различных пространственно – временных позиций, как институционально организованных (семья, система образования, работа), так и самодеятельно аутентичных (компания друзей, культурные сцены) [3];

- Перенос акцента с описания структурных барьеров интеграции молодежи в общество в целом на специфику формирования молодежных идентичностей внутри различных жизненных циклов, связанных с включением в разные социальные институты;

- Особое внимание к формированию стилевых жизненных стратегий современной молодежи внутри различающихся пространственно – временных локаций, таких, как родительская семья, образование, рынок труда, своя группа/компания, близкие формы общения – дружба, любовь;

- Чувствительность к разнице классовых, статусных, стилевых, гендерных и сексуальных измерений молодежных идентичностей, как стабильных, так и мягких, подвижных, временных;

- Внимание к механизмам формирования новых типов солидарностей молодежи – реальных, виртуальных, воображаемых – в контексте глобально – локальных измерений ее жизненных мифов;

- Анализ характера влияния конструкторов молодежи на молодежь, и самой молодежи – на продвижение тех или иных конструкторов, в частности в политике и новейших медиа – проектах;

- Отход от унитарной категории «молодежь» и сопутствующих ей социологических исследовательских техник, которые опираются исключительно на широкие замеры общественного мнения и фокусируются на «молодежных проблемах». Обращение к многообразию молодежной реальности и интерпретациям ее смыслов разными людьми, относящими себя к молодежи.

Проблематизация молодежи тесно связана с историей рождения таких понятий, как молодежная культура, хулиганизм, молодежные девиации, подростковость, пубертатность, конфликт поколений, моральные паники и другие. Эти понятия служили и отчасти продолжают служить стержнем

описаний молодежных идентичностей. Все они «генетически» связаны с проблематизацией. Показать, как и в каких социально – экономических условиях они разрабатывались, печать каких событий и политических интервенций они несут – это во многом прояснить причины живучести «молодежной проблемы».

Понятие «молодежный вопрос» выглядит, таким образом, более адекватным поставленной цели, помогает расширить рамки социологического анализа и преодолеть определенные затруднения концептуализации современной молодежной реальности [5].

Критическая оценка истории молодежного вопроса не означает игнорирование молодежных проблем как таковых. Нужно отличать молодежь как проблему от проблем самой молодежи. Последовательный анализ истории молодежного вопроса в отечественной и западной традициях может привести к выводу, что полного отхода от принципа проблематизации молодежи не произойдет никогда. Наверное, это действительно так, если иметь в виду разные интерпретации понятия «проблема». Проблема как научный интерес, как абстрактное выделение основного противоречия изучаемого предмета и как цель его познания бесспорно важна.

Однако проблемой внутри господствующих парадигм социологии молодежи становится не абстрактное противоречие, а *сама молодежь*. Именно она проблематизируется, она вызывает паники, рассматривается в качестве ключевого фактора риска в современном обществе, становится причиной многих социальных болезней современности. Ее обвиняют в том, что она употребляет наркотики, сексуально распущена, агрессивна, неуправляема и т.д. Например, сегодня часто используется понятие «молодежный экстремизм» – как формы протестных движений без сомнения существующей в молодежной среде. Но ведь они существуют и во взрослой среде. Может быть правильной ставить вопрос о росте экстремистских, ксенофобных, националистических настроений среди населения, часть которого – это юноши и девушки со своими жизненными историями и с их интерпретациями. Может в этом ключе будет адекватным вместо тезиса «молодежь – это проблема нашего общества», тезис – «молодежь и ее проблемы – часть нашего общества»?

Библиографический список

1. *Cohen Ph.* Rethinking The Youth Question Education, Labor and Cultural Studies in Britain. //Journal of Youth Studies, vol.3, Number 1, March, 1997,pp. 79 – 97.
2. *Parsons T.* Youth in the Context of American Society //Youth: Change and Challenge. New York, Basic Books, 1963, pp.155 – 182.

3. *Pilkington H. Russia's Youth and its Culture: A nation's constructors and constructed. London and New York, Routledge, 1994, 290 pp.*

4. *Глядя на Запад: Культурная глобализация и российские молодежные культуры /Пер. с англ. О. Оберемко и У. Блюдиной. – СПб.: Алетейя, 2004.,278с.*

5. *Омельченко Е.Л. Молодежь: Открытый вопрос. Ульяновск: Изд – во «Симбирская книга», 2004., 184 с.*

С.Б. Масленцева
РГППУ, Екатеринбург

СОЦИАЛЬНЫЙ ПАТРОНАЖ ВИЧ-ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ ЖЕНЩИН

Россия занимает одно из первых мест в мире по темпам распространения ВИЧ-инфекции. 80% ВИЧ-инфицированных в России – это молодые люди в возрасте 18-35 лет. Около 60% от абсолютного числа всех зарегистрированных случаев ВИЧ-инфекции сконцентрировано в 13 субъектах Российской Федерации. В число «лидеров» входит и Свердловская область, а приблизительно 40% всех случаев в области приходится на город Екатеринбург [1].

Особую опасность представляет все большее вовлечение женщин в эпидемию СПИДа и увеличение детей, рожденных от ВИЧ-инфицированных матерей, что вызывает тяжелые демографические последствия для Российской Федерации. Число людей с вирусом иммунодефицита человека в стране стремительно растет, и «в зоне поражения» оказывается все большее число беременных женщин и новорожденных. В некоторых странах ВИЧ-инфекция стала самой распространенной проблемой у беременных. ВИЧ-инфекция оказывает значительное влияние на течение беременности и ведение родов.

В ближайшие годы врачи прогнозируют дальнейший рост рождения детей ВИЧ-инфицированными женщинами, тем более что инфекция уже вышла за пределы групп риска и пошла в население.

ВИЧ-инфекция не угрожает ребёнку, если его родители не инфицированы. Тем не менее, 90% и более ВИЧ позитивных женщин находятся в детородном периоде и немалое количество ВИЧ-инфицированных рождает [2].

Ведение ВИЧ-инфицированных женщин в период беременности – многоаспектная задача, объединяющая социальное, медицинское и акушерское обслуживание, консультирование по различным вопросам. Социальные и